

Мастера Дзен. Рёкан



Автор: Джон Стивенс

Рёкан родился в 1758 году (точная дата неизвестна) в деревне Изомозаки на берегу моря в провинции Эхидо (сейчас префектура Ниигата). Эта область северного Хонсю известна как "снежная сторона", где снегопады глубокой зимой заставляют жителей входить и выходить из своих домов через заднюю дверь. В этой области происходили также и самые сильные землетрясения в Японии, а еще она известна своим островом Садо - местом ссылки бунтовщиков и золотыми шахтами - источником золота сёгуна. Отец Рёкана - Инан(1738-1795) был наследственным главой деревни и священником Синто. Инан был также поэт, отдаленно ассоциирующийся со школой хайку Басе. Один из его стихов:

Вечно меняясь
Летние облака поднимаются лениво,
Высоко над холмами.

Немного известно о матери Рёкана, - только то, что она была родом с Садо. Но из стихов Рёкана, можно видеть, что она была мягким и любящим человеком:

В моих снах
Образ матери возникает
Утром и вечером
В далеком тумане
Берегов Садо.

Детское имя Рёкана было - Эйзо. Тихий, застенчивый, любящий книги, он поступил в конфуцианскую академию в возрасте 10 лет и получил начальное образование согласно классическим традициям Китая и Японии. Позже, Рёкан посетил могилу своего первого учителя Омори Шийо (умер в 1791) и сочинил стихотворение:

Скрытая от глаз старая могила у подножья холма
 Заросла осмелевшей травой.
 Некому больше следить за тобой,
 Разве что дровосек мимо пройдет порой.
 Когда-то я был учеником, лохматым парнем,
 Учился у него мудрости здесь, возле Узкой Реки,
 Но однажды утром я ушел один - своим путем,
 Столько лет не было случая нам поговорить.
 И вот я вернулся и нашел его покоящимся здесь
 Чем же почтить мне отлетевшую душу? -
 Вылью черпак чистой воды на могильный камень
 И помолюсь беззвучно.
 Солнце садится за холм
 И вдруг отовсюду - свист ветра в соснах
 Я хотел бы уйти, но не в силах,
 Слезы вымочили мои рукава.

Под руководством Шийо, Рёкан на всю жизнь полюбил классику Конфуция. Часто мать Рёкана послав его на деревенские праздники, находила его под каменным фонарем в саду, читающим Конфуция (когда Рёкан стал взрослее, он описал китайского мастера не как проповедника ортодоксальных удушающих истин, но как радостного, смиренного и независимого искателя правды, который был несправедливо осужден современниками за непрактичность и мечтательность). Юношей Рёкан больше всего любил гулять в одиночестве вдоль берега штормового Японского Моря или тихо предаваться мечтам под старой сосной в семейном саду. Даже будучи ребенком, он никогда не лгал и не спорил с другими детьми.

Импульсивный и изменчивый Инан страстно желал передать должность деревенского старосты своему старшему сыну, как только Рёкан достигнет нужного возраста. Однако - хотя были и другие причины - семнадцатилетний Рёкан плохо подходил для этой работы. Честный, мирный по натуре, он ненавидел соревнования любого рода, просто не мог понять почему другим это надо. После духовного кризиса он решил оставить дом и стать дзенским монахом.

Множество различных объяснений существует для этого драматического поступка: Либо Рёкан понимал свои недостатки для политической карьеры, либо он ужасался кровавым казням селян за серьезные преступления (как глава деревни ему бы пришлось стать официальным свидетелем этого). Может быть он внезапно прозрел среди попоек беспутной жизни, ведь слегка повзрослев, книжник Рёкан внезапно превратился в Дон Жуана - "Когда этот парень рядом", - говорили

односельчане, - "лучше постеречь своих дочерей". Согласно одной истории, Рёкан однажды был у одной из любимых гейш. Глубокой ночью, он вдруг стал невыносимо мрачным. Любовница пыталась развлечь его, но он впал в глубокую печаль. Он истратил все свои деньги, и вернулся домой в отчаянии. На следующее утро семья увидела его с бритой головой, одетым в белое кимоно. Скупно попросившись, он отправился в ближайший храм искать послушничества. На пути он встретил ту самую гейшу, но не проронил ни слова и продолжил свой путь.

По правде говоря, похоже что комбинация различных факторов вела Рёкана к тому, чтоб оставить мирскую жизнь. В прошлом, несколько членов его семьи уже присоединились к буддистскому монашеству. Таким образом ничего удивительного, что он искал убежище в религии. Позиция старосты отошла его брату - Йосиюки (1762-1834), и он оказался совершенно никчемным руководителем. Несколько лет Рёкан был послушником в храме Косё-йи, местной школе направления Сото. Около 1780, мастер дзен Кокусен (умер в 1791) посетил Косё-йи, и Рёкан под глубоким впечатлением мудрости и поведения учителя, попросил и получил формальное разрешение стать учеником Кокусена.

Они вернулись вместе в Енцу-йи, монастырь Кокусена в Тамасима (сейчас это префектура Окаяма).

Енцу-йи - маленький комплекс, включающий бамбуковую рощу и пруд с лотосами, расположен на холме с видом на гавань Тамасима. (Большинство строений времен Рёкана сохранились.) Тамасима был успешным торговым центром и в монастыре Кокусена (благодаря его руководству) никогда не было менее сорока монахов. Одним из любимых Рёканом монахов в коммуне был Сенкей, монах, который олицетворял учение Кокусена.

Священник Сенкей истинный следователь Пути!

Он работал в тиши - что еще сказать о нем?

Тридцать лет он в коммуне Кокусена!

Никогда не медитировал, не читал сутр,

Ни слова про буддизм -

Просто трудился на благо всех.

Я видел его, но не видел его;

Встречал его, но не встретил.

Ему невозможно подражать,

Священник Сенкей истинный следователь Пути!

Рёкан провел следующие десять лет в Енцу-йи, посвятив себя дзену и упражняясь в изучении китайской классики, буддистских сутр, поэзии и каллиграфии. Позже, Рёкан вспоминал эти годы:

В Енцу-йи давным давно -

Сколько раз зима уступала весне?

За воротами - тысячи домов,

Но ни одного приятеля.

Если моя одежда пачкалась, я стирал ее;
 Если не было еды, мы просили подаяние в городе.
 Я корпел над житиями знаменитых монахов
 И понял почему они хвалили святую бедность

Думая о прошедшем, вспоминаю дни в Енцу-йи
 И мою одинокую борьбу в поисках Пути.
 Когда несу хворост, вспоминаю о Лайман Хо
 Когда мою рис, Шестой Патриарх приходит на ум.
 Я был всегда первым, кто получал учение Мастера,
 Не пропускал ни часа медитаций.
 Тридцать лет прошло
 С тех пор, как я покинул зеленые холмы и голубое море этого милого места.
 Что сталось с моими однокашниками?
 И как я могу забыть доброту учителя?
 Слезы бегут и бегут, смешиваясь с вихрящимся горным ручьем.

Было у Рёкана и несколько светлых моментов в Енцу-йи:

Длинные летние дни в Енцу-йи!
 Все свежо и чисто.
 Мирские чувства не появляются здесь.
 В прохладной тени, читая стихи, окружен красотой
 Я терплю зной, слушая
 Освежающий плеск мельничного колеса

На холме за Енцу-йи мы спрятались в лесу,
 Сбежав от зноя и распивая сакэ.
 Опустошили бутылку и сочинили несколько стихов
 Никем не замеченные, мы сидели счастливые, пока колокол не позвал нас под крышу

Во время своего пребывания в Енцу-йи, Рёкан увлекся работами Догена, основателя направления Сото в Японии. Особенно он полюбил Четыре Великих Добродетели Догена: Милосердие, Добрые Слова, Добрые Дела и Сострадание. В те дни, воры часто переодевались монахами и несколько раз Рёкан был арестован подозрительными стражами порядка, когда он просил подаяние. Подобно Хакуину в истории с младенцем, Рёкан просто ничего не говорил в свое оправдание, несмотря на угрозу избиений. Его мягкие слова и терпение каждый раз помогали ему освободиться без последствий.

В 1790, в возрасте 32-х лет, Рёкан был назначен главным монахом монастыря и награжден сертификатом и просветлении. В отличие от Иккю и Хакуина (интенсивный, почти мелодраматический, опыт просветления), Рёкан не имел ни одного ошеломляющего прорыва, скорее его просветление было простым, естественным плаванием в потоке дзенского направления Сото - "просто сидеть, подобно Будде". При первом посвящении, он был наречен "Рёкан Тайгу". "Рё"

означает "хороший" и "кан" означает сердечный, щедрый. "Тайгу" - "Великий Глупец" в смысле по-детски простодушный, без притворства. Кокусен ссылается на эти качества в сертификате, который он выдал своему лучшему ученику.

Рё смотрит глупцом?

Но он идет широким Путем,

Несвязанный.

Кто измерит его глубину?

Я даю это свидетельство вместе с посохом из горного дерева

Где бы ты не странствовал, покой найденный в этих стенах, - с тобой.

Этот документ Рёкан хранил как величайшую ценность всю свою жизнь. Кокусен умер в следующем году и Рёкан оставил Енцу-йи, отправившись в долгое странствование, путешествуя с облаками в небе и речной водой. Похоже, Рёкан странствовал в основном в сельской местности в течении пяти лет, спал в полях или строил себе легкие хижины, избегая города и крупные монастыри. Однако он не шел бесцельно - он искал Мастера Шурю (годы жизни неизвестны) из Дайтоку-йи - храма, где жил Иккю.

Когда он достиг ворот Дайтоку-йи, ему отказали, сказав, что Шурю теперь живет на отдыхе и никого не принимает больше. Рёкан проник на территорию храма, перепрыгнув через стену и стал ждать у отшельнической хижины настоятеля. Затем Рёкан оставил записку, адресованную настоятелю и прижал ее камнем, положив на край каменной раковины для умываний, надеясь, что настоятель заметит ее во время утреннего умывания. Рёкан был обнаружен несколькими монахами и уже было выставлен прочь, но настоятель успел прочитать записку и предложил Рёкану приходить в любое время. Позже Рёкан говорил друзьям, что Шурю передал ему учение Риндзай. Мать Рёкана умерла когда он был в Енцу-йи и его отец всегда беспокойный и темпераментный, оставил дом и поселился в Киото, где жили братья Рёкана. Здесь, в 1795, беспокойный Инан свел счеты с жизнью, бросившись в реку Кацура. Весть о трагической кончине отца потрясла Рёкана и он приехал в Киото на похороны. После он отправился в странствование к горе Коя молиться за души обоих родителей.

В Киото Рёкан получил копии отцовских последних стихов и написал:

Отцовские

Стихи на листах

Затуманились от моих слез

Когда я припомнил

Давние годы с ним вместе.

Как духовный наследник Кокусена, Рёкан легко мог стать настоятелем одного из главных храмов, но после долгих лет нищеты и свободы в полях, рамки и уставы были тесны ему. Более того, в это время разгорелись распри между Ейхей-йи и Соджи-йи - ветвями Сото и, как настоятель Рёкан был бы втянут в конфликт. Без каких-либо планов, сорокалетний Рёкан отправился на родину, посещая по пути

красивые долины и святые места Японии. Когда Рёкан наконец дошел до родных мест, он написал:

Я вернулся в родную деревню.
 Заболев, отдыхаю на постоялом дворе
 Слушаю звук дождя -
 Рубище и миска - все что есть у меня
 Когда мне лучше, я поднимаюсь
 Зажигаю благовония и сажусь в медитации
 Печальный дождь льется всю ночь
 Пока мне снится пройденный мною путь

Давным давно я отверг мир чтобы найти истинное мастерство
 Теперь, вернувшись через двадцать лет в деревню, где вырос,
 Я владею лишь рубищем и этой миской.
 Что до старых друзей -
 Имена многих - на замшелых плитах

"Однажды, измученный непогодой монах повернул к Гомото - деревне в примерно десяти милях от Изомозаки. Ему разрешили остановиться в разваливающейся хижине на окраине и вскоре он стал символом города. Если он получал еды больше, чем ему было нужно на день, он отдавал ее птицам и животным. Местные жители скоро распознали его добродетель и стали помогать с едой и одеждой, но монах продолжал раздавать свою собственность тем, кто был более обездолен чем он. Некоторые из жителей думали о том, что необычный монах выглядит знакомым и однажды, один из них пришел к Рёкану. Хижина была пуста, только несколько прекрасных стихов были написаны на стенах. Посетитель увидел сходство и сообщил семье Рёкана, что их давно потерянный брат вернулся домой. Рёкан, однако, отказался вернуться в свой дом и вернул большинство из подарков, которые семья послала ему.

Рёкан жил отшельником в нескольких местах по соседству пока не остановился Гого-ан, изолированном в густом лесу из древних сосен позади Кокуйю-йи на горе Кугами. Название этого места отшельничества означает "пять чаш" - подношение риса получаемое каждый день Шингон, бывшим настоятелем храма Кокуйю-йи, который построил Гого-ан намереваясь уйти туда на покой. Рёкан жил в Гого-ан с 1797 по 1802 и с 1804 по 1816 (между 1802 и 1804 там жил ушедший на покой настоятель храма Кокуйю-йи и Рёкан во время этого периода останавливался в других храмах поблизости). Рёкан выбрал для себя отшельничество не потому что хотел закрыться от людей и полностью уединиться. Рёкан хотел сравняться с Буддой:

Это Путь по которому Он шел освободить мир;
 Это Путь по которому Он шел вернуться в мир.
 Я тоже, встал и иду по Священному Пути
 Мост между жизнью и смертью, идущий в тумане иллюзий

Отшельник Рёкан усаживался на медитационную подушку и жил подобно тому как жили в стародавние времена высоко в горах дзенские Патриархи в поисках просветления:

В неподвижности у пустого окна
 Я сижу в медитации, в монашеском стихаре,
 Выровнены пупок и нос,
 Уши параллельны плечам.
 Свет луны заливают комнату;
 Кончился дождь, но с карниза капает и капает.
 Совершенен этот миг -
 В глубокой пустоте, мое понимание углубляется.

Вечером, высоко в горах
 Сижу в медитации
 Дела людей остались внизу
 Спокойно и пусто вокруг
 Запах благовоний проглотила бездонная ночь
 Моя одежда покрылась росой.
 Не в силах спать я выхожу в лес
 Вдруг над самой высокой вершиной -
 Полная луна

Моя жизнь бедна
 Но мой разум так чист
 Когда я провожу
 День за днем
 В этой хижине из травы.

Подобно маленькому ручью
 Что бежит, извиваясь,
 Через мшистые расщелины,
 Также и я тихонько
 Становлюсь чище и прозрачней.

Когда все мысли
 Исчерпаны
 Ускользаю в лес
 И собираю
 Букет пастушьей сумки

Обрывки и лохмотья, обрывки и лохмотья,
 Обрывки и лохмотья - моя жизнь.
 Еда? Дикie овощи с обочины дороги.
 Заросли кустов продвигаются к моей хижине.
 Часто я и луна сидим вместе всю ночь,

И не раз я терялся в диких цветах,
 Забыв возвратиться домой.
 Не удивительно, что я бежал общества
 Как такой сумасшедший монах может жить при храме?

Живя высоко в горах, Рёкан нашел спутника в природе:

Если живешь отшельником
 Высоко в горах
 Непременно луна,
 Цветы и осенние листья
 Станут твоими друзьями.

Дикие пионы
 Сейчас - их время.
 В чудесном полном цветении:
 Разве можно сорвать?
 Как можно не сорвать?

"Орхидея".

Глубоко в долине, красавица прячется:
 Безмятежна, бесподобна, несравненно сладка.
 В неподвижной тени бамбуковых зарослей
 Похоже вздыхает тихонько о возлюбленном.

Растения и цветы
 Выращенные мной у хижины
 Отдаю сейчас
 Воле
 Ветра.

"Однажды, весенним днем, Рёкан заметил три ростка бамбука, которые проросли под его беседкой. Бамбук рос быстро и вскоре стал упираться в пол беседки. Рёкан был очень взволнован - он не терпел никакого вида страданий, даже если это касалось растений. Он решил разобрать пол беседки и прожечь дыру в крыше, чтоб бамбук мог расти без препятствий. Но когда он поднес свечу к крыше над бамбуком, вся беседка запылала. Рёкан справил похороны по сожженному бамбуку и построил беседку без крыши и с раздвигающимися полами - на тот случай, если бамбук снова прорастет".

Не хочу сказать
 Что мне неохота
 Мешаться с людьми,
 Но свободно жить одному -
 Это лучший Путь для меня

Когда думаю
 О несчастьях других
 В этом мире
 Их скорбь
 Становится моей

О, если бы всех
 Кто страдает в мире иллюзий
 Я мог укрыть
 моей монашеской рясой!

Согласно "Десяти иллюстрациям о приручении вола", кульминацией дзенской практики является "возвращение на рынок с дарующими блаженство руками", и Рёкан, подобно Иккю и Хакуину, общался с разными категориями людей - с властителями, нищими, фермерами, торговцами, рыбаками, хозяевами харчевен, детьми, отверженными обществом людьми - без снисхождения или отвращения. Рёкан был одним из тех японских буддистских монахов кто жил исключительно на милостыню, в то время как Иккю и Хакуин лишь некоторое время нищенствовали, но по большинству, как все духовные лица прошлого и будущего полагались на богатых патронов и регулярные подношения прихожан. Рёкан считал, что вознагражденное попрошайничество еды - священная практика, основанная Буддой лично и следовал этому правилу всю жизнь.

Облака ушли,
 Чистое небо.
 Просить хлеба
 От чистого сердца -
 Благословение небес.

"Пища", - писал Рёкан - "должна быть получаемая подобно тому, как пчелы собирают нектар с цветов; нищий должен просить ненавязчиво, как лунный свет заливают поле". В одном из стихов Рёкан утверждает: "Буду спрашивать в каждом доме, даже у торговцев вином и торговцев рыбой, подобно Принцу Бродяг (Будде)". Таким образом, Рёкан мог без колебаний остановиться для прошения милостыни перед деревенским публичным домом. Кстати, если девушки не были заняты, они выходили поиграть с Рёканом в мяч. Когда Йосиюки услышал про поведение брата, он испытал Рёкана поэмой:

Монах в черной одежде
 Играет
 С девицами легкого поведения
 Что может быть
 В его сердце?

Рёкан ответил:

Играя и играя

Прохожу по колышущемуся миру.
 Будучи здесь
 Разве это плохо -
 Рассеивать плохие сны других людей?

Йосиюки не был удовлетворен:

Играя и играя
 Проходить по миру
 Хорошо, наверно,
 Но не задумываешься ли ты
 Что за мир придет после?

Заключение Рёкана:

В этом мире,
 С этим телом
 Я играю.
 Нет нужды думать
 Что за мир придет после.

Однажды Рёкан путешествовал с молодым монахом. В одном чайном доме им предложили в пищу, блюдо с рыбой. Молодой монах оставил рабу нетронутой по ортодоксальной буддистской традиции, но Рёкан проглотил ее в один момент. "Эта блюдо с рыбой, ты же знаешь", - сказал монах Рёкану. "Да, это было очень вкусно", - ответил Рёкан с улыбкой. Вечером они остановились у фермера и на следующее утро монах жаловался, "Блохи кусались как сумасшедшие и я не спал всю ночь. Но ты спал как младенец. Почему?".

"Я ем рыбу когда предлагают, и я позволяю блохам и комарам пировать на мне. Это совершенно не беспокоит меня". Рёкан спал под москитной сеткой чтобы предохранить комаров - во сне он мог случайно нанести им вред. И оставлял одну ногу снаружи, чтоб комарам не было слишком голодно. Подобно Будде, Рёкан с благодарностью принимал все, что попадало в его плошку для милостыни:

Ради нас
 Моллюски и рыба
 Отдают себя
 Бескорыстно
 Нам в пищу

Рёкан сочинил эти стихи о благородстве прошения милостыни:

Весна, неспешно
 Звон нищенского моего колокольчика всплывает в деревню.
 Зеленые ивы в садах,
 Лилии в спокойном пруду.
 В моей миске лежал рис тысяч чужих домов,

Мое сердце отвергло власть денег и славы.
 Безмолвно храня память древних Будд,
 Иду нищенствовать в деревню - еще один день.

После целого дня прошения милостыни в деревне
 Сижу мирно под утесом в вечерней прохладе.
 Одна у меня миска и одно рублище
 Жизнь дзенского монаха воистину свободна!

Согласно ортодоксальным буддистским канонам, подаятель милостыни должен быть благодарен монаху принявшему его подношение, так как он или она (податель/подательница) приобретает таким образом добродетель, но Рёкан всегда держал в голове дзен-буддистские стихи: "Помни сколько усилий приложили крестьяне, чтоб вырастить пищу". Вместо того, чтоб смотреть просто вперед в молчании и принимать пищу без знака внимания, как предписывает традиция, Рёкан держал плоску почтительно с сердцем полным благодарности каждый раз, получая подаяние. Низко кланялся и просил благословения Будды каждый раз проходя мимо работающих на рисовых полях крестьян. Он провел много часов в молитвах за них:

Весенний дождь,
 Летний дождик,
 Сухая осень.
 Может природа улыбнется нам
 И мы разделим ее милость.

Если урожай был особенно щедрым, иногда Рёкан мог взять часть без спроса. Однажды, он оставил стих на дереве для местного крестьянина

Пожалуйста, не спутай меня
 С птицей
 Когда я налечу
 На твой сад
 Поесть диких яблок.

Иногда, подаяние было неожиданным:

После поиска хвороста в горах
 Я возвратился к своей хижине
 И нашел сливы и картофель
 Оставленные под моим окном
 Сливы были завернуты в бумагу,
 Картофель - в лист лопуха
 На клочке бумаги имя подателя.
 Глубоко в горах пища безвкусна -
 В основном репа и зелень -
 Так что, я быстро сварил угощение с соевым соусом и солью.

Наполнил свой, обычно пустой желудок
 Тремя большими мисками.
 Если б мой друг оставил сакэ
 Это был бы настоящий пир.
 Я вкусил пятую часть подарка и отложил остальное;
 Похлопывая живот, отправился хлопотать по хозяйству.
 День просветления Будды будет через шесть дней
 И я не знал, что поднести,
 Но теперь, когда я богат -
 Будда будет лакомиться сливами и картофелем.

Рёкан был известен тем, что использовал все до крошки из еды. Если что-нибудь оставалось, он складывал это в глиняный горшок. Естественно, пища портилась и гнила, в ней заводились личинки. Однажды кто-то увидел, как Рёкан ел из этого горшка. "Не ешь это" - воскликнул посетитель - "это испортилось и там личинки". "Нет, нет, все в порядке"- отвечал Рёкан - "я позволяю личинкам сбежать до того, как съем и вкус - ничего".
 Рёкан регулярно делился пищей с птицами, бродячими собаками и котами. Бывали хорошие времена, бывали плохие:

В синем небе зимние утки кричат;
 Горы наги, ничего кроме палых листьев.
 Сумерки - возвращаюсь по промозглой тропе,
 Один, с пустой плоской для риса.

Не будет милостыни
 Снова сегодня
 В деревне.
 Снег падает
 И падает.

Нет везения сегодня в прошении милостыни;
 От деревни к деревне тащусь.
 На закате понял: до хижины - долгий путь по горам
 Ветер рвет мое тщедушное тело
 И моя маленькая миска выглядит так жалко -
 Таков выбранный мной Путь что ведет меня
 Через разочарования и боль, холод и голод.

Я пришел сюда
 Просить риса,
 Но цветущий клевер
 Среди камней
 Заставил меня забыть причину.

В своих походах за подаянием, Рёкан часто останавливался для помощи односельчанам в работе по дому - чистил овощи, рубил дрова, разжигал очаг. Если ж никакой особенной помощи не требовалось, он тихонько сидел в углу, совершая медитируя. Он был отличным врачом и лечил больных членов семьи, применяя массаж и целебные травы. Однако, когда его просили прийти на следующий день, он отвечал: "Простите, не могу обещать. Мы никогда не знаем, что принесет следующий день". Рёкан любил играть с деревенскими мальчишками в перетягивание каната, используя толстые сорняки, связанные вместе и в мяч с девочками. Рёкан был известен как "Мастер мяча" и всегда держал два-три тряпичных мяча в рукавах одежды.

Играем в мяч
С деревенскими детьми
Теплым дымчатым
Весенним днем -
Никто не хочет, чтобы это кончалось

В десяти четвертях земли Будды
Только одна Колесница.
Когда мы видим ясно, нет различий в учениях.
Что мы теряем здесь? Что приобретаем?
Если приобретаем нечто, это было здесь с самого начала;
Если теряем это прячется где-то поблизости.
Посмотри на тряпичный мяч в моем рукаве -
Несомненно драгоценность просветления!

Весна уже здесь
Деревья в полном цвету,
Прошлогодние листья исчезли
Мне надо поспешить-
Встретиться с детьми

Однажды, Рёкан играя с детьми в прятки, спрятался в хлеву. Дети знали, где он спрятался и решили подшутить: убежали не предупредив его, что игра закончилась. На следующее утро жена фермера крестьянина, войдя в хлев, увидела Рёкана прячущегося в углу. "Что ты здесь делаешь, Рёкан?" - спросила она. "Пожалуйста тише", - прошептал он - "а то дети найдут меня". Рёкан был мастером играя, притвориться мертвым. Он позволял детям украшать себя травой и цветами и хоронить понарошку. Однажды, дети заметили, что он не дышит. "О, нет!" - завопили они - "Рёкан действительно умер в этот раз!". Рёкан, оживая, вскочил и ловил их со смехом. (Длительные медитации позволяли Рёкану управлять своим дыханием.)

Однажды, Рёкан, проходя по деревне, услышал крик о помощи. Маленький мальчик застрял на верхних ветках хурмы. Рёкан помог ему спуститься вниз и сказал, что достанет немного хурмы для него. Залез на дерево и сорвал один, решил попробовать (может хурма слишком терпка, он не хотел разочаровать

мальчика), обнаружил что нет - сладкая, и увлекся - он ел одну за другой, забыв о мальчике, повторяя "Как сладка!". Парнишка не выдержал и закричал "Рёкан! Дай и мне пожалуйста!". Рёкан пришел в себя и набрал вкусной хурмы для мальчика. Рёкан также любил выпить сакэ - "горячей воды трансцендентальной мудрости" и "лучшего из лекарств" - с местными крестьянами:

Распиваем сладкое сакэ
С крестьянами
А наши брови
белеют
от снега

Современники говорили о Рёкане: " Когда Рёкан приходит в гости, темным зимним днем наступает весна. Его характер чист от двойственности и хитрости. Высокий и худой он напоминает одного их бессмертных, знакомых по литературе или религии. В нем нет ни крупицы ханжества, он излучает теплоту и сострадание. Никогда не гневается и не слушает критику других. Голос его чистый и ясный. Если он останавливается в доме, все семейные проблемы рассеиваются и дом остается мирным несколько дней после его визита. Даже общение с ним улучшает людей". Опекающий Рёкана святой был Йофукуо - "Никогда не презирающий Бодхисаттва"

Истинный монах
Нуждается
Всего лишь в одном -
Сердце, подобном сердцу
Никогда не презирающего Бодхисаттвы.

Рёкан слегка подтрунивал над озабоченностью некоторых буддистов-книжников по поводу слов и концепций, категорий и деталей.

Когда я вижу ученых священников, читающих сутры,
Их красноречие, похоже, плавает по кругу;
Пять Периодов Закона и Восемь Доктрин -
Красивые теории, но кому они нужны?
Но спросите их о сути истинной важности
И получите пустую болтовню
Будда дал бесконечно много учений,
Каждое из которых чистейшая истина.
Также как легкий ветер и каждая капля дождя
Освежают лес.
Нет сутры которая бы не вела к спасению.
Пойми суть каждой ветви
И прекрати ставить оценку учению Будды
Ничто не делает меня
Счастливее
Чем обет Амиды

Спасти
Каждого.

В одной деревне жил сердитый паромщик. Он сильно раздражался, когда при нем кто-либо хвалил Рёкана. Однажды, когда Рёкан попросил перевести его на другую сторону реки, паромщик, резко повернул лодку и Рёкан упал в воду. Рёкан почти утонул, когда паромщик помог ему выбраться. Несмотря на очевидность того, что паромщик намеренно сделал это, Рёкан поблагодарил его. Не ожидая такого ответа, паромщик почувствовал стыд за этот и другие свои поступки. Позже, когда Рёкану понадобилось вернуться, паромщик признался ему в намеренности своего поступка и просил прощения. Рёкан только улыбался и просил не беспокоиться. Вслед за этим они распилили кувшинчик сакэ.

В другой раз на Рёкана напал сумасшедший буддистский монах в подпитии. Рёкан терпеливо терпел побои, пока не подросли крестьяне и не оттащили монаха прочь. В ту ночь был дождь и Рёкан остался ночевать в доме друга. Посреди ночи, Рёкан внезапно встал и вышел на улицу. Беспокоясь за друга, хозяин вышел вслед за Рёканом и увидел как он укрывал безумного монаха (тот совершенно пьяный спал в беспамятстве) соломенным плащом. Однажды, родственник попросил Рёкана поговорить с его непутевым сыном. Рёкан пришел, но не сказал ни слова провинившемуся мальчику. Он остался переночевать и был готов покинуть дом поутру. Мальчик, помогая Рёкану завязать соломенные сандалии, вдруг почувствовал на плече теплую каплю. Посмотрев вверх, мальчик увидел, что глаза Рёкана полны слез. Рёкан вернулся в Гого-ан, а мальчик полностью изменился с тех пор. Один самурай, владелец местности, где жил Рёкан, решил построить великолепный храм и пригласить Рёкана возглавить приход. Он пришел к Рёкану в Гого-ан, но Рёкан отсутствовал, собирая цветы. Самураю со свитой пришлось довольно долго ждать, пока не вернулся Рёкан с плошкой, полной душистых цветов. Самурай сделал предложение, но Рёкан остался молчалив. Затем он взял кисть, написал хайку и отдал самураю:

Ветер приносит
Столько опавших листьев,
Что можно развести огонь

Самурай в согласии кивнул и удалился.

Однажды, обознавшись, вор забрался в Гого-ан и естественно, ничего не нашел, чтоб украсть. Потосковав, вор забрал старое драное одеяло Рёкана и подушку для медитаций. Вернувшись, Рёкан обнаружил пропажу и написал:

Вор взял все,
Но оставил тебя -
Луна в окне

Рёкан не любил помпезность и церемонность. Однажды, он был приглашен на формальное чаепитие в богатый дом. Хозяин был горд своей роскошной одеждой

и гости были завернуты в кимоно из дорогой парчи их Киото. В то время как Рёкан пришел в своем замызганном, заплатанном рубище. Он глотнул густой чай и воскликнул - "Какой горький! Ужасный вкус". - затем вылил чай обратно в горшок. И он продолжал в том же духе: Чистил свой нос и норовил вытереть содержимое о рукава соседа. Несмотря на то, что Рёкан сам выбрал для себя путь отшельничества, иногда он чувствовал глубокое одиночество:

Иногда я тихо сижу
Слушая листопад
Жизнь монаха вправду спокойна.
Отрезанный от мирских забот,
О чем же я плачу?

Если бы был кто-нибудь
Подобный мне
В этом мире
Мы могли бы провести всю ночь
За разговором, здесь, в хижине.

Рёкан всегда был рад гостям и часто посылал приглашения:

Весна началась!
Драгоценности и золото
Повсюду -
Пожалуйста, ну пожалуйста
Приходи в гости.

Ветви, что будут
Хворостом по осени,
Все еще цветут -
Пожалуйста, собери травы, в поцелуях росы
И приходи в гости.

В сумерки
Приходи в мою хижину -
Сверчки споют
Тебе серенаду и я
Познакомлю тебя с лесом в лунном свете.

Когда к Рёкану приходили гости, Рёкан подносил им миску для полоскания рук. Гости протестовали: "Это твоя миска для еды! Мы не можем мыть в ней руки!" На что Рёкан отвечал: "Нет, нет! Это единственная миска в доме и она одинаково хорошо служит для еды, воды и полоскания рук. Более того, я нашел ее в чащобе. Кто-то выбросил ее, а я дал ей новый дом."

Босай (1752-1826), известный учитель из столицы Эдо, давно хотел встретиться с эксцентричным дзенским монахом. Когда он добрался до хижины Рёкана, он

увидел, что Рёкан медитирует в беседке. Босай не хотел беспокоить Рёкана и ждал почти три часа. Рёкан был вне себя от радости встретившись с учителем и они говорили о поэзии, философии и литературе до вечера. Когда же настал вечер, Рёкан захотел угостить Босая сакэ. Он предложил Босаю подождать, пока он сбегает в деревню одолжить немного. Босай ждал и ждал, но Рёкан не возвращался. Наконец, Босай отправился поискать Рёкана. В изумлении, он увидел Рёкана в сотне ярдов от хижины, сидящим под сосной, мечтательно смотрящего на полную луну.

"Рёкан! Где ж ты был? Я ждал тебя часами! Я думал, что-то случилось с тобой!"

"Босай-сан! Ты прибыл вовремя. Не правда ли прекрасная луна?"

"Да, да, прекрасна. Но где же сакэ?"

"Сакэ? О, да, сакэ. Прости меня. Я мигом принесу!" Рёкан вскочил и убежал, оставив ошеломленного Босая.

Провожая друзей, Рёкан писал:

Дождись света луны
Перед тем, как отправиться -
Горная тропа
Покрыта
Плодами каштана!

На росистой горной
Тропе будет холодно.
Перед тем, как уйти
Как насчет
Последней чашки теплого сакэ?

Написание стихов для Рёкана как бы служило ненавязчивой буддистской церемонией. Технически, Рёкан был под влиянием классической японской и китайской поэзии, но чаще всего, игнорировал правила и писал как ему хочется.

Когда ты поймешь,
что мои стихи - не стихи,
Поговорим о поэзии

Ночь напролет
В моей хижине из травы
Согретой хворостом
Мы говорили и говорили.
Как могу я забыть тот чудесный вечер.

Спускаюсь в долину собирать орхидеи
Земля покрыта инеем и росой,
Целый день искал я цветы
Вдруг вспоминаю старого друга
Что живет за реками и горами

Встретимся ли мы когда-нибудь снова?
 Поднимаю взгляд к небу,
 Слезы текут по щекам.

Рёкан чувствовал особое родство с Канзаном, легендарным китайским дзенским эксцентриком и поэтом жившим во времена династии Т"анг. Канзан был также любимцем Хакуина, который написал длинные комментарии к стихам Канзана и часто изображал его в своем творчестве). Стихотворение Канзана:

Мой дом пещера, ни одной вещи в нем -
 Чистая и изумительная пустота,
 Яркая и чистая как солнце.
 Тарелки горных овощей достаточно,
 Заплатанный плащ вполне меня укрывает
 Пусть тысяча волшебников явятся исполнить любое желание!
 У меня уже есть Верховный Будда

Рёкан сочинил эти стихи в том же стиле:

Возвращаюсь домой после дня нищенствования;
 Шалфей заплел мою дверь.
 Теперь когда охапка листьев горит вместе с хворостом.
 В тишине читаю стихи Канзана,
 Под музыку осеннего дождя, шелестящего в тростнике.
 Я вытянул ноги и лег на пол.
 О чем мучиться?
 В чем сомневаться?

Каллиграфия Рёкана даже больше ценилась чем его поэзия - возвышенно прекрасная и восхитительно неправильная форма иероглифов в комбинации с чистотой и теплотой содержания значительно повлияла на японское искусство. Несмотря на свою признанность как поэта и каллиграфа, Рёкан однажды с иронией заметил что среди тех немногих вещей, которые он не любил были стихи от поэтов и каллиграфия от каллиграфов. Но Рёкан практиковался в каллиграфии. Даже уходя просить милостыню, он чертил иероглифы пальцем в воздухе или на песке возле ног. С тех пор, как его каллиграфия стала высоко цениться, множество людей стали донимать его просьбами.

Я побрил голову, стал дзенским монахом,
 И провел годы прокладывая свой Путь сквозь сплетения сорных трав.
 Теперь все, что слышу от людей
 "Напиши нам стихи! Напиши нам стихи!"

Когда Рёкан понял, что некоторые люди просят его каллиграфию для показа, игнорируя дзенское содержание, он стал отказывать им с извинениями. Это приводило к смешным ситуациям. Однажды, богатый торговец, который жаждал получить каллиграфию Рёкана, сказал бесхитроственному Рёкану, что известный

художник посетит его дом. Он пригласил Рёкана для встречи с художником и когда Рёкан прибыл в дом торговца, он был препровожден в большую комнату специально подготовленную для работы художника: душистые, свежесмолотые чернила, набор кистей, пачки бумаги для каллиграфии. "Художник скоро придет" - сказал торговец, - "Пожалуйста, почувствуй себя свободно, ты можешь использовать все материалы, пока он не придет". Как и рассчитывал торговец, Рёкан не смог удержаться и вскоре вся комната заполнилась его работами.

Когда Рёкан использовал все материалы, он думал, что торговец будет зол на него за это, и потихоньку улизнул из дома. А торговец получил то, что хотел. В другой подобной истории, Рёкан был оставлен в комнате со свежесмолотыми бумагой и дверями. Рёкан написал на них стихи Канзана. Несмотря на то, что это не входило в планы дизайнеров, мастер был доволен, он снял бумагу с дверей и повесил на стены. Рёкан обожал цветы, а у Ямады одного из его друзей, был сад с великолепными пионами. Ямада не позволял никому дотронуться до цветов, но однажды застал Рёкана, который не мог сдержаться, чтоб не собрать букет. Увидев в этом случае получить каллиграфию Рёкана, Ямада вскричал: "Даже если ты дзенский мастер, тебе не уйти отсюда так просто с этим!" Ямада доставил смущенного Рёкана к деревенскому стражу порядка и запер в маленькой комнате. Затем сделал набросок Рёкана с пионами и сказал: "Слушай, Вор Цветов! Я отпущу тебя, если ты подпишешь этот набросок."

Рёкан написал:

Рёкан пойман
С поличным
Воруя цветы.
Теперь все
И всегда будут знать.

Однажды Рёкан подошел к детям, делающим воздушных змеев. "Рёкан! Рёкан! Пожалуйста, напиши что-нибудь, что поможет змеямикмахера заявил: "Один иероглиф отсутствует в имени бога." Такое отсутствие сводило на нет эффект каллиграфии как талисмана и когда парикмахер попенял Рёкану, тот ответил: "Ты сэкономил на мне, я сэкономил на тебе. Та хорошая пожилая женщина, живущая в конце дороги, всегда дает мне с избытком бобового пирога так что, в каллиграфии, которую я дал ей, все иероглифы на месте"

Рёкан любил играть в го, но ненавидел проигрывать, думая что удача отворачивается от него в то время, как он просто был неважный игрок. После одного поражения он захотел реванша и его оппонент согласился: "Только если ты дашь мне столько каллиграфических работ, сколько раз ты проиграешь" Рёкан неосмотрительно согласился, но проигрывал и проигрывал. Его оппонент ожидал несколько разных изречений дзенской мудрости, но на каждом листе было:

Собираю хурму -
Морозит яйца
Осенний ветер

Рёкан часто нечаянно пропускал иероглифы, когда писал каллиграфические работы по памяти и однажды был пристыжен за это. Он ответил: "Любой, кто может прочитать мою каллиграфию, легко добавит потерянный иероглиф; те же, кто не могут прочитать вообще- не заметят его отсутствия!".

Друг Рёкана попросил каллиграфическую работу, которая бы принесла удачу и процветание его семье. Рёкан написал единственный слог "си" на целом листе. "Что это значит?" спросил его друг. Под влиянием коана Накуина, Рёкан ответил: "Смерть. Когда люди отдают себе отчет в близости смерти, они не тратят свое время и не расточают свое богатство".

Однажды владелец лавки, где продавался соевый соус проделал долгий путь к хижине Рёкана с особой просьбой. Дверной знак на его лавке был плохо сделан и отпугивал покупателей. Не мог бы Рёкан помочь ему написать новый? Рёкан согласился и написал "Уксусно-соевый соус Джошуа". Хозяин лавки был несказанно рад и гордо показывал знак после своего возвращения. Спустя несколько дней, Босай(упоминался выше) проходил мимо лавки и увидел знак. Босай вошел внутрь и сказал хозяину, что знак слишком драгоценен, что оставаться под дождем и ветром и написал новый. Знак Босая был выставлен наружу, но и он был заменен другим, каллиграфической работой чуть-чуть менее известного чем Рёкан и Босай каллиграфа. Так повторялось четырежды и хозяин стал обладателем четырех замечательных знаков.

Иногда каллиграфическое искусство Рёкана оказывалось очень полезным. Однажды, путешествуя, был вынужден нанять проводника с лошастью для прохождения/*похода*/по опасной горной тропе. У него не было денег заплатить 16 сен и он сказал проводнику, "Ты можешь ударить меня по голове 16 раз". Проводник узнал Рёкана и ответил: "Нет. Напиши мне 16 иероглифов и я прошу тебе долг". В подобном случае, когда Рёкан встретил путешественника, нуждающегося в ночлеге, Рёкан написал: "Покажи это любому в деревне и ты обязательно найдешь ночлег."

В дополнение к каллиграфии на воздушных змеях, две другие замечательные работы Рёкана: "Раз-Два-Три" и "Сердце-Луна-Круг". Первая пара свитков были написаны для хозяина лавки, который просил что-нибудь простое, что бы любой мог прочесть. Вторая была написана в кухне одного из друзей Рёкана. Старая деревянная крышка для семейного рисового горшка треснула и была отложена в сторону, на растопку. Рёкан пожалел ее и написал "Сердце-Луна-Круг" на ней, зная, что ее не уничтожат пока на ней его каллиграфия.

С возрастом Рёкан слабел и все труднее ему было ходить просить милостыню целыми днями и его друзья стали передавать ему для его простейших нужд с посыльными хлопчатобумажную одежду, пару носков, тряпичную шляпу, тряпичные мячи, чай, рис, соевый соус, табак, масло, васаби, фрукты, овощи, сакэ, и даже сладкие пироги. Рёкан всегда посылал маленькую записку-стихи за такие подарки, благодаря подателя с величайшей почтительностью. Таким образом,

наиболее вероятными долгих поисков, он нашел монеты и был очень рад. "Теперь я понимаю, что найти деньги действительно радость."- подумал он.

Из нижеследующего письма, видно, что Рёкан был хорошо знаком с работой Хакую "Вечерняя Беседа в Лодке":

Этой зимой я обращался к учению
Даосского мудреца Хакую и научился:
Я избегаю погони за тем и этим,
Держу рот закрытым в строгом молчании.
Принимаю пищу только когда желудок пуст
И стучу зубами спросонок
Читая историю Хакую
Я научился поддерживать хорошее здоровье
Путем балансирования жизненной силы
И не беспокоясь о дурных или низменных вещах.

Поздравление с Новым Годом, которое Рёкан послал своему другу:

"С Новым Годом!"

Завтрашний день отметит приход весны
Неизбежно!
Мое сердце бьется
Чаще и чаще
И я не могу спать:
Весна наступает завтра.

С тех пор, как Рёкан стал забывчивым, он писал для себя памятки:

Заботиться чтоб не:
говорить слишком много;
говорить слишком быстро;
говорить, не будучи спрошенным;
говорить не к месту;
говорить, размахивая руками;
говорить о мирских делах;
отвечать грубо;
спорить;
улыбаться снисходительно в ответ;
использовать элегантные китайские выражения;
хвастаться;
избегать говорить прямо;
говорить с умным видом
прыгать с темы на тему;
использовать прихотливые слова;
говорить о прошедшем, которое не может быть изменено;
говорить педантично;

избегать прямых вопросов;
 говорить говорить зло о других
 говорить напыщенно о просветлении;
 говорить в подпитии
 говорить в неприятной манере;
 кричать на детей;
 сочинять фантастические истории;
 говорить в гневе;
 упускать имена;
 игнорировать людей с которыми разговариваешь;
 говорить ханжески о Богах и Буддах;
 быть сладкоречивым;
 льстить;
 говорить о вещах, которые не знаешь;
 превращать разговор в монолог;
 говорить о других за спиной;
 говорить с самомнением;
 чернить других в разговоре;
 читать молитвы на показ;
 жаловаться на количество милостыни;
 читать длинные проповеди;
 говорить наигранно, как художник;
 говорить наигранно, как мастер чайной церемонии;

Рёкан постоянно забывал свои вещи, письма, наброски. Иногда случалось ему стучаться за подаянием в один и тот же дом дважды. Еще одна памятка:

(1) Вещи, взять с собой

Хлопчатобумажная шляпа, полотенце, салфетка, бумага, веер, монеты, мяч, шарики.

(2) Необходимые вещи

Бамбуковая шляпа, гамаши, перчатки, пояс, трость, немного еды.

(3) Для паломничества

Одежда, соломенный плащ, плоская, котомка.

Не забыть прочесть это до того, как выйти или будут неприятности!

В шестьдесят лет у Рёкана начались трудности со здоровьем и в 1816 он отправился в другое место для отшельничества, около святыни Отого, у подножия горы Кугами. Покидая Гого-ан, Рёкан написал стихи:

На склоне
 Кугами
 В тени горы
 Сколько лет

Эта хижина была моим домом?
 Пришло время
 Оставить ее пустовать -
 Моя память поблекнет
 Как летняя трава.
 Взад и вперед
 Я ходил вокруг нее
 И ушел прочь
 Пока она не исчезла
 Среди деревьев.
 Пока я иду, продолжаю
 Оглядываться на каждом повороте,
 Оглядываться назад.

Жизнь Рёкана в Отого была похожи на жизнь в Гого-ан, свет вперемешку с темнотой:

В лесу Отого под горой Кугами
 Ты найдешь мою крохотную хижину где я провожу свои дни.
 По прежнему нет для меня места в храмах и домах!
 Лучше уж мне жить со свежим легким ветром и яркой луной,
 Играя с деревенскими детьми и сочиняя стихи.
 Если ты спросишь обо мне, вероятно вот так:
 "Что делает сейчас этот глупый монах?"

Старый слабый человек шестидесяти лет
 Живет возле святыни в стороне от деревни.
 В полночь - сильный ливень жестоко стучит по камням;
 Под окном одинокий огонек мерцает.

Мальчиком я изучал китайскую классику но не был силен в этом;
 Юношей я практиковал дзен но не смог передать учение.
 Теперь живу рядом со святой гробницей,
 Наполовину священник Синто, наполовину буддистский монах.

В конце концов, Рёкан был вынужден покинуть и Отого тоже:

В ветхой хижине с тремя закутками
 Я состарился и устал;
 Этот зимний холод
 Худший из всех, от которых я страдал.
 Хлебаю жидкую кашку, ожидая когда
 Морозная ночь минует.
 Смогу ли я выдержать до поры, когда весна наконец придет?
 Без возможности просить рис
 Как я выживу в холод?
 Даже медитация больше не помогает;

Ничего не остается кроме как писать стихи
В память моим покойным друзьям.

В 1826, будучи шестидесяти восьми лет, Рёкан оставил Отогу и стал жить с семьей Кимура в деревне Шимазаки. Ему предоставили небольшой домик на заднем дворе, который не очень подходил Рёкану. Он сравнивал себя с птицами в клетке, которые были у семьи Кимура.

Сейчас и всегда
Вы тоскуете
По свободе в глубоком лесу -
Я тоже лелею
Подобные мысли.

Рёкан в последний раз посетил Гого-ан:

Я взял свой посох и медленно проделал путь
Вверх к хижине, где я провел так много лет.
Стены разрушились и теперь укрывают лис и кроликов.
Колодец у бамбуковой рощи высох.
Толстая паутина покрывает окно, где я однажды читал при луне.
Ступени заросли сорняками,
И одинокий сверчок пел в лютном холоде.
Я мерил шагами хижину не в силах уйти прочь
Пока солнце не зашло с грустью.

Во время своего пребывания у Кимура, семидесятилетний Рёкан встретил и полюбил красивую молодую монахиню Тейсин(1798-1872). Несмотря на то, что их отношения оставались платоническими, любовная связь их была так же глубока как между Иккю и Дамой Мори. Когда Тейсин впервые встретила Рёкана, она написала:

Был это действительно ты
Кого я видела
Или эта радость
Что продолжаю ощущать
Всего лишь мечта?

Рёкан ответил:

В этом приснившемся мире
Мы дремлем
И говорим о снах
Мечтай, мечтай
Сколько хочешь.

Обмен письмами:

Здесь, с тобой
 Могла б оставаться
 Дни и годы без счета
 Молчаливой, как яркая луна
 На которую вместе смотрели.
 (Тейсин)

Если твое сердце
 Останется неизменным
 Мы будем связаны крепко
 Как бесконечная лоза
 На многие годы.
 (Рёкан)

Когда Тейсин не смогла приехать к нему, Рёкан написал:

Ты забыла меня
 Или потеряла путь сюда?
 Теперь я жду тебя
 Целый день, каждый день.
 Но ты не появляешься.

Тейсин ответила:

Луна, я знаю
 Сияет ярко
 Высоко над горами,
 Но мрачные тучи
 Одели вершину темнотой.

Рёкан послал ей совет:

Тебе нужно подняться
 Над мрачными тучами
 Закрывающими вершину.
 Как же иначе ты
 Когда либо увидишь свет?

Зима была снежной и у Тейсин не было возможности посетить Рёкана пока весна не пришла. Когда Рёкан увидел Тейсин он воскликнул:

Ни на небесах, ни на земле
 Нет ничего
 Драгоценнее
 Чем твой визит
 В первый день весны.

Из за своей черной одежды и загорелой кожи, Рёкан был прозван вороном Тейсин и друзьями(на далеком Востоке, ворон - символ вечной любви). Крайне польщенный Рёкан написал:

Свободный как птица
Идти куда пожелаю
С завтрашнего дня
Я возьму имя "Ворон"
Данное мне друзьями.

Тейсин добавила:

Когда горный ворон
Летит домой
Не возьмет ли он с собой
Его мягкокрылую
Маленькую подругу

Рёкан ответил с улыбкой:

Мне хотелось бы взять
с собой всюду
Куда б я не пошел
Но не примут ли нас люди
За птиц-неразлучников

До конца жизни Рёкана они часто были вместе, сочиняя стихи, споря о литературе и религии и прогуливаясь по окрестным деревням и полям.

Распевая старые стихи,
Сочиня свои,
Играя в мяч
Вместе в полях -
Два человека, одно сердце.

Легкий ветерок свеж,
Луна так ярка -
Вместе
Давай танцевать до рассвета
Прощаясь с моими годами.

Зимой 1830, здоровье Рёкана сильно ухудшилось. Страдая от несварения желудка, он написал:

Об этом
Легко говорить,

Но эти протекающие кишки
Убивают меня

Его упадок был столь резким, что Тейсин поспешила к его смертному ложу. Рёкан писал:

"Когда, когда?" я вздыхал.
Та, по ком тосковал,
Наконец пришла;
С ней теперь
У меня есть все что мне нужно.

Тейсин ответила:

Нам, монахам, говорят
Преодолевать сферу
Жизни и смерти -
Все же я не могу перенести
Печаль нашего расставания.

Рёкан ответил тихо:

Повсюду, куда ни посмотришь
Осенние листья
Рассыпаны
Поодиночке
Вверх и вниз лицом.

Рёкан скончался рано утром 6 января 1831. На его похороны и общее богослужение священников из всех главных буддистских представительств, пришли все жителями деревни и ближайших окрестностей.

Что останется после меня?
Цветы весной,
Кукушка летом,
И багрянец листьев
По осени.